УДК 93/94

С. Н. Рудник

Всесословная воинская повинность, русское общество и грамотность новобранцев в России

Во второй половине XIX в. вопросы народного образования в России вышли на первый план в ряду других жгучих проблем современности. Поражение в Крымской войне общество восприняло как расплату за культурную отсталость страны, имея в виду низкий уровень грамотности податного населения. Реформа образования была продиктована потребностью в модернизации России. Безграмотность населения препятствовала дальнейшему прогрессу страны. Промышленность, транспорт, сельское хозяйство, торговля нуждались в квалифицированных специалистах не меньше, чем государственный и административный аппарат. Между тем, говоря о причинах, побудивших общество и правительство обратить внимание на народное образование, исследователи редко отмечают еще один важный побудительный мотив — введение всеобщей воинской повинности.

Когда 4 ноября 1870 г. последовало Высочайшее повеление императора Александра II «о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве»[1], в русском обществе на страницах газет развернулась дискуссия, в которой вопросы образования затрагивались самым непосредственным образом. Одни издания, поддерживая в целом принцип равенства всех перед законом, выражали сомнение в необходимости привлекать образованных людей к военной службе.

[1] Русский инвалид. 1870. 5 ноября. С. 1.

Например, как только стало известно о первых очертаниях будущего устава, обозреватель «Недели» критически отозвался о нем, полагая, что «проект слишком мало имеет в виду интересы нашего образования и допускает в его пользу слишком мало исключений». По его мнению, «образованный класс» в России был «пока еще так малочислен, что сплошное привлечение образованных людей в ряды армии, нисколько не облегчая тягостей военной службы для массы населения, в то же время» не могло «способствовать и качественному улучшению нашей армии». Последнее же «с гораздо большим успехом» могло «быть достигнуто совсем иными средствами»[2].

Сторонники этой точки зрения полагали, что «привилегии в пользу образования» никак не повредят новым демократическим принципам комплектования армии. Неужели образованные молодые люди и те, кто стремится получить образование, «будут тоже оторваны от занятий?», — обращалось к читателям с вопросом другое издание. «Для чего же мы тратили время, деньги, здоровье, чтобы не докончить того, что было начали? Чтобы при первой войне быть жертвами свинца и пороха? Что же у нас на Руси останется, кто будет учить, и у кого будут учиться?»[3]

Другие представители печати успокаивали общество, объясняя, что едва ли есть основания думать, будто бы «введение общей военной повинности обратит государство в военный стан, водворит в нем гнет, убьет просвещение»[4]. Наоборот, полагали они, новый закон заставит многих сесть за парту. Например, «Санкт-Петербургские ведомости» не без сарказма писали о предсказуемой реакции купеческого сословия, которое обязательно «немножко всплакнет» по прошлым временам. Но, по мнению издания, в конечном итоге именно «для купечества военная повинность особенно необходима». И даже «не столько в видах защиты отечества от неприятелей, сколько в поднятии уровня образования в самом купечестве». По мнению издания, русское купечество, являясь самым отсталым «на всем земном шаре», об образовании имело «понятие самое высокомерное». Среди его представителей было «множество богачей», которые не пускали «своих сынков далее первых классов гимназии» и обычно всё их образование ограничивалось грамотой и «арихметикой». Обозреватель газеты не сомневался, что в России, «как и в Пруссии», срок службы в армии будет зависеть от образования. И поскольку срок этот, несомненно, будет сокращен для всех тех, кто окончил «курс в средних учебных заведениях», то «Всеобщая воинская повинность будет иметь для купечества значение “обязательного” обучения». Газета шутила, что какой-нибудь педагог «сделал бы хорошую аферу», открыв в настоящее время «гимназию для взрослых», так как в нее обязательно «набежало бы» много малообразованных «купеческих сынков»[5].

[2] Неделя. 1871. 5 (17) января. № 1. С. 15.

[3] Современные известия. 1870. 4 декабря. № 334.

[4] Голос. 1870. 28 октября (9 ноября). № 298. С. 1.

[5] Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 8 (20) ноября. № 308. С. 1.

По мнению защитников реформы, в новых условиях, когда «сроки обязательной службы будут значительно сокращены, вследствие чего личный состав армии будет возобновляться гораздо чаще», гораздо «удобнее и выгоднее» было бы «вопрос о распространении грамотности в армии свести» к вопросу «о распространении грамотности в народе, т.е. поставить дело таким образом, чтобы в армию поступали уже грамотные и чтобы военное ведомство было избавлено от необходимости учить солдат чтению и письму»[6].

Таким образом, журналистское сообщество разделилось на два лагеря: одна его часть высказывалась «безусловно в пользу проектируемого закона», а другая, «относясь с сочувствием к провозглашенному правительством принципу, тем не менее» выражала «сомнение в надлежащей организации военного дела» и связывала успех реформы с преобразованиями в других сферах общественной жизни[7].

17 ноября 1870 г. были образованы две комиссии: одна — для разработки «Положения о воинской повинности», другая — для составления «Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении». Председателем обеих комиссий был назначен начальник Главного штаба генерал-адъютант Ф.Л. Гейден. Общее руководство их работой возглавил Д.А. Милютин. При этом Милютин полагал, что в интересах государства и общества следует «допустить многие и существенные льготы»[8], имея в виду как льготы по образованию, так и по характеру государственной и общественной деятельности.

Интересно, что слухи о льготах по образованию начали циркулировать уже через несколько дней после образования комиссий. «Всезнающие люди» утверждали, что окончившие университет молодые люди должны будут служить то ли три, то ли шесть месяцев, а закончившие гимназию будут тянуть солдатскую лямку только год[9].

В октябре 1871 г. комиссия для разработки положения на трех заседаниях (5, 8 и 12 октября) обсуждала вопросы «об изъятиях и льготах по отправлению военной повинности», в том числе льготы по образованию. На важность этих мер в журнале комиссии было указано особо: «Недостаток в образованных и даже только в грамотных людях чувствуется на всех поприщах общественной и частной деятельности. Поэтому желательно и необходимо, чтобы введение всеобщей военной повинности не только не препятствовало, но, напротив того, содействовало достижению вышеозначенной цели»[10].

Вопрос о льготах для образованных призывников был подготовлен первым отделом комиссии под председательством тайного советника Н.А. Гернгросса.

[6] Неделя. 1870. 16 (28) ноября. № 46. С. 1508.

[7] Современные известия. 1870. 14 ноября. № 314.

[8] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1275. Оп. 1. Д. 83. Л. 27.

[9] Санкт-Петербургские ведомости. 1870. 21 ноября (3 декабря). № 321. С. 1.

[10] РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 314 об.

Только один член этого отдела, статский советник Розинг предложил «не устанавливать льгот по образованию для лиц, поступающих на службу по жеребью», так как призывники с образованием могли поступить «вольноопределяющимися на сокращенные сроки службы». Большинство отдела (13 человек) полагало, «что все молодые люди, находящиеся в высших и средних учебных заведениях, по достижении ими призывного возраста, должны» были брать жребий вместе со своими сверстниками, но затем им следовало бы предоставлять «право оставаться в заведении до окончания курса», но «не долее» определенного возраста (22–28 лет), который зависел от типа учебного заведения. Семь членов отдела комиссии считали, что «воспитанникам высших и средних заведений должно быть предоставлено право» не являться к жеребьевке призывников «до окончания курса» и отсрочка для студентов должна продолжаться до достижения 27, а для гимназистов — «23 лет от роду». Дискуссия относительно срока действительной службы завершилась тем, что «отдел, за исключением двух лиц», высказался за сокращение его для лиц с высшим образованием до 6 месяцев. По их мнению, окончившие средние заведения должны были ходить в солдатских сапогах один год, воспитанники «низших заведений» — до трех лет и, наконец, лица, «прошедшие чрез народные школы, до 4 лет». Двое — генерал-майор Н. Н. Обручев и полковник Н. Ф. Шнитников — полагали, «что в видах поощрения образованных молодых людей к поступлению на службу вольноопределяющимися», для них следует установить «более продолжительные» сроки службы — от одного до трех лет. Наконец, большинство членов отдела признали «необходимым установить, чтобы воспитанники высших и средних заведений назначались исключительно на строевые должности»[11].

Комиссия по разработке нового Устава трудилась два года. С апреля по ноябрь 1873 г. проект «Устава о воинской повинности» обсуждался в созданном при Государственном Совете Особом присутствии о воинской повинности во главе с великим князем Константином Николаевичем — давним приверженцем реформы. Обсуждение проекта вызвало горячие споры по целому ряду вопросов, в том числе и о льготах по образованию. Некоторые высшие сановники поставили под сомнение целесообразность введения воинской повинности в ближайший период. Как отметил князь Д. А. Оболенский, «на душе каждого, видимо, лежало тяжелое сомнение относительно пользы новой реформы»[12]. Решительным поборником сохранения в армии привилегий дворянства был министр просвещения граф Д. А. Толстой. В частности, он полагал, что новый закон приведет к тому, что господствующее положение дворян в офицерском корпусе могут занять лица мещанского или купеческого звания. Д. А. Толстой считал, что следует оставить лишь две льготы по образованию: сокращение действительной военной службы до 3–4-х лет для всех освоивших программу

[11] РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 313 об. — 314.

[12] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 337.

начальной школы, и до 1-го года — для вольноопределяющихся, окончивших не менее 6 классов гимназии. Министр просвещения отрицал необходимость особых льгот для лиц, получивших высшее образование, возражал против сохранения отсрочек для студентов, полагая, что они могут легко и удобно сочетать свои занятия с отбыванием воинской повинности. Среди тех немногих, кто поддержал Д. А. Толстого, был и князь Д. А. Оболенский, полагавший, что при наличии значительных льгот по образованию для поступающих на военную службу по жребию «никто не пойдет в вольноопределяющиеся»[13]. Сложилась парадоксальная ситуация, о которой Д. А. Милютин записал 3 декабря 1873 г. в своем дневнике: «Многие из членов [Государственного Совета] громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными; военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование»[14]. Подробности перипетий развернувшейся дискуссии между военным министром и министром просвещения описал в своей знаменитой монографии П. А. Зайончковский[15].

При обсуждении проекта устава в Государственном Совете по всем спорным пунктам восторжествовала точка зрения военного министерства. Документ был принят в основном в том же виде, в каком он был составлен комиссией о воинской повинности. 1 января 1874 г. император Александр II подписал манифест и утвердил Устав о воинской повинности, первая статья которого гласила: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности»[16].

К ст. 53 устава прилагался список учебных заведений, разделенных на четыре разряда «по отношению к отбыванию воинской повинности». Например, к первому разряду были приписаны все духовные академии, университеты, ветеринарные институты в Казани, Харькове, Дерпте, Императорская академия художеств (для удостоенных звания классных художников 1-й и 2-й степени по всем отраслям искусства), Горный институт, Санкт-Петербургский практический технологический институт, Рижское политехническое училище, медико-хирургическая академия в Санкт-Петербурге и еще ряд заведений, принадлежавших разным министерствам и ведомствам[17].

[13] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 340–341.

[14] *Милютин Д. А.* Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2008. С. 60.

[15] Подробнее см.: *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 315–331.

[16] Устав о воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года // Реформы Александра II. М., 1998. С. 338.

[17] Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. Т. 1. СПб., 1874. С. 65–66.

Закон устанавливал для учащихся отсрочки от призыва для окончания образования, в зависимости от вида учебного заведения — от 22 до 28 лет. Например, воспитанникам Императорской академии художеств, Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Петербургской и Московской консерваторий, учительских институтов, семинарий и школ предоставлялась отсрочка до достижения ими 22 лет. Но те же учащиеся Московского училища живописи, удостоенные «серебряной медали ранее достижения 22-летнего возраста» и продолжающие там свое образование, получали отсрочку до 25 лет.

Для образованной молодежи устанавливались сокращенные сроки действительной службы и увеличенные — в запасе. Они составляли соответственно: для окончивших университеты и другие учебные заведения первого разряда — полгода и 14 с половиной лет; курс шести классов гимназий и реальных училищ, духовных семинарий второго класса и других учебных заведений второго разряда — полтора года и 13 с половиной лет; учебные заведения третьего разряда — 3 года и 12 лет. Для выпускников начальных народных училищ и других учебных заведений четвертого разряда — 4 года и 11 лет, а в Туркестанском военном округе, Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской областях и во флоте — 6 лет на действительной службе и 4 года в запасе[18].

Лица с высшим и средним образованием по желанию могли отбыть воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся, обязанных прослужить в действующих войсках: выпускники учебных заведений первого разряда — 3 месяца, второго разряда — 6 месяцев, а выдержавшие испытание по особой программе, устанавливавшейся по соглашению министров военного и народного просвещения, — 2 года. Для них предусматривался ускоренный порядок производства в унтер-офицеры и офицеры при условии успешной сдачи соответствующих экзаменов.

Таким образом, реформа давала стимул к образованию. «Отечественные записки» отмечали, что в связи с введением всесословной воинской повинности «чуть ли не все земства и городские общества принялись жертвовать значительные суммы на открытие реальных и ремесленных школ»[19]. «Со всех концов России доносятся вести о проектах новых гимназий, реальных училищ и т.п. заведений, по преимуществу средних», — писали Санкт-Петербургские ведомости в марте 1874 г. Судя по сообщениям, большинство этих заведений предполагалось содержать за «счет местных земских сборов»[20]. По случаю обнародования манифеста крестьянские общества в многочисленных адресах выражали свои верноподданнические чувства. В одном из таких адресов крестьяне Марковской волости Рыльского уезда Курской губернии сообщали о своем решении «собрать по 5 копеек с души» на обучение «детей их грамоте»[21].

[18] Устав в воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года. С. 346–348.

[19] Наши общественные дела // Отечественные записки. 1874. № 2. С. 315.

[20] Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 17 (29) марта. № 75. С. 1.

[21] РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 195. Л. 76 об.

Характерной приметой времени было письмо попечителя народного училища из г. Дубоссары в Петербургский комитет грамотности, в котором он отмечал, что за пять лет существования училища все его «старания убедить здешних мещан посылать своих детей в школу оставались безуспешны», в ней училось максимум 60 учеников, «и то половина из них были дети иногородних церковнослужителей и солдат». Не лучше обстояли дела «в соседних школах», расположенных «в селениях государственных крестьян: за всю зиму в каждую школу еле-еле собиралось человек 15». Всё изменилось после «обнародования нового закона о всеобщей воинской повинности». Попечитель с удовлетворением сообщал, что «в настоящее время в каждой из сельских школ учится по 70 и более детей, а в дубоссарском училище — 90 человек». Местные школы буквально «завалены сообщениями родителей» о том, что они в самое ближайшее время «пришлют своих детей учиться». По словам попечителя, «даже евреи» не остались в стороне от общего стремления учиться в русской школе и «обучать своих детей русской грамоте», чего раньше за ними замечено не было. Отмечая это «отрадное явление», автор письма не обошел стороной и «темную сторону дела» просвещения народа: острую нехватку учителей, «недостаток в удобных помещениях», дефицит книг, учебной литературы и пр. Попечитель дубоссарского народного училища беспокоился о недостатке средств, «земских и других ассигнований», отмечая, что тех «скудных крупиц», выделяемых «на дело народного образования», не хватает и сейчас, и будет явно недостаточно в будущем «для распространения грамотности в народе»[22].

Корреспондент «Голоса» в Ревеле не сомневался в том, что в прибалтийских губерниях новый закон о воинской повинности произведет «самый решительный и благоприятный переворот». И все благодаря одной 57-й ст. нового Устава, которая гласила, что «От лиц нерусского происхождения, обучившихся в народных школах или таких учебных заведениях, в коих преподавание русского языка не обязательно, для предоставления им права на сокращенные сроки службы по образованию (ст. 56) требуется, кроме знания училищных курсов, умение бегло и со смыслом читать и четко писать по-русски»[23]. Таким образом, только одна эта статья значительно стимулировала население прибалтийского края к изучению русского языка, сделала гораздо больше, чем «разного рода попытки к искусственному насаждению этого знания в здешнем крае». По сведениям корреспондента, еще раньше русский язык постепенно, «мало-помалу», начали вводить в местных школах, и к 1874 г. русский язык преподавался в 60 из 479 сельских народных школ Эстонской губернии. На первый взгляд немного, но, как отмечал репортер, надо было учесть, что еще «пять лет назад даже в самом Ревеле, не говоря об уездах, городах и селах, положительно негде было учиться русскому языку»[24].

[22] Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 14 (26) марта. № 72. С. 1.

[23] Устав в воинской повинности Высочайше утвержденный 1 января 1874 года. С. 348.

[24] Голос. 1874. 26 января (7 февраля). № 26. С. 3.

Следует также отметить, что, несмотря на обнародование устава о воинской повинности и широкое обсуждение его в печати и обществе, в сельской местности знание многих положений нового закона было поверхностным. Многие крестьяне узнавали о предоставляемых «грамотеям» льготах уже на самих призывных участках осенью 1874 г., когда начался первый призыв на военную службу по новому закону. Любопытный факт в этом отношении передают «Екатеринославские губернские ведомости». В посаде Азове, перед самой жеребьевкой призывников «уездный училищный совет» подверг «испытанию молодых людей, желавших получить свидетельства в знании курса начальных народных училищ». Четыре человека из шести «выдержали экзамен и получили свидетельства». По итогам жеребьевки двое из них подлежали призыву на действительную службу. Когда председатель уездного по воинской повинности присутствия объявил им, что они, согласно уставу, имеют право на «льготу по образованию» и будут служить не 6 лет, как все неграмотные новобранцы, а только 4 года, «то это объявление произвело такое впечатление на азовское мещанское общество, что оно» в тот же миг постановило «открыть с 1 января 1875 г. в посаде» начальное народное училище «с ассигнованием на содержание его из общественных сумм по 1500 руб. ежегодно»[25].

Росло не только количество учащихся, школ, но появлялись и новые предметы в программе обучения. Газета «Голос» осенью 1874 г. информировала читателей: «Новая воинская повинность не только вызывает увеличение числа учебных заведений, но преобразует и существующие. Нам передавали, что, с началом учебного года, в частном пансионе, если не ошибаемся, г. Васильева, кроме гимнастических упражнений, вошедших уже в программу преподавания, введено теперь фехтование на эспадронах и штыках. Это первый пример частного почина в распространении искусства, на которое у нас вообще мало обращено внимание, хотя фехтование, как гимнастика, является самым действительным средством для физического развития, пренебрегать которым нельзя безнаказанно»[26].

Многие крестьяне обучались в начальных общеобразовательных заведениях. К начальным народным училищам министерства народного просвещения относились: 1) приходские училища в городах, посадах и селах, которые должны были содержаться за счет казны и частных пожертвований; 2) народные училища, созданные и содержащиеся частными лицами. Право открывать свои сельские школы имели также министерства государственных имуществ, внутренних дел, удельное и горное; содержание этих школ поручалось местным обществам. Духовное ведомство открывало и содержало свои церковно-приходские училища. Воскресные школы могли учреждаться как правительством, так и городскими и сельскими обществами, а также частными лицами для обучения ремесленников и рабочих. Огромная роль в устройстве и содержании начальных школ

[25] Неделя. 1874. № 47. Ст. 1704–1705.

[26] Голос. 1874. 26 октября (7 ноября). № 296.

отводилась земским учреждениям. Согласно авторитетным исследованиям Б. Б. Веселовского, «заботы о начальном народном образовании с самого начала были отнесены к предметам ведомства уездных земств, губернские земства отвели себе по преимуществу область среднего образования и подготовки учительского персонала»[27]. Он пришел к общему выводу, что земская школа своим возникновением всецело обязана сельским обществам.

Кроме того, как отмечал русский историк и публицист-этнограф А. С. Пругавин, народ создавал «свои собственные доморощенные школы», отыскивал «учителей для этих школ из своей же среды — из числа отставных солдат, черничек [сельские женщины, не вступившие в брак по обету родителей или своему собственному], разных захожих людей», учился «у местных крестьян-грамотеев» и наконец «просто друг от друга». В своем исследовании А. С. Пругавин привел ряд фактов, доказывающих, что «во многих местах благодаря исключительно влиянию вольных доморощенных учителей народ обучился грамоте»[28].

Таким образом, в крестьянской среде постепенно приходило понимание преимуществ образования, в том числе и для военной службы. Собирая данные о развитии народного образования в Воронежской губернии в пореформенный период, чиновники местного статистического отделения сделали массу «отметок и записей, касающихся отношения крестьян к грамоте». Например, на хуторе Барсуков Твердохлебовской волости они услышали от крестьян: «Грамотному и на базаре сподручней, и на военной службе легче»[29]. Отрицая пользу учения для женщины (это «не бабье дело, ее дело — хозяйство»), крестьяне обыкновенно говорили: «Вот обучить мальчонку — это иная статья: ему и в солдатах легче будет, да и по мужичеству ныне без грамоты плохо: нужда бывает в город по делам, или на заработки, а то еще выберут в податные и старосты, — мужику приходится всякие обороты давать, а баба сидит дома»[30]. «Мальчику нужна грамота потому, что он впоследствии должен отбывать воинскую повинность, нести общественные должности, работать на отхожих промыслах», — так рассуждали крестьяне Оларевской волости Вологодской губернии[31]. Земский статистик В. В. Петров, изучая вопросы развития народного образования в Московской губернии, отмечал, что народ к необходимости «распространения грамотности» подходил «почти исключительно со стороны его практического

[27] *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет. Т. I. СПб., 1909. С. 588.

[28] *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890. С. 35.

[29] *Воронов И. К.* Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899. С. 17.

[30] *Пругавин А. С.* Указ. соч. С. 41.

[31] *Воротникова Н. С.* Система начального образования в северной деревне во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Государство и развитие образования в России XVIII–XX вв.: политика, институты личности: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 14–15 мая 2009 г. М.: РУДН, 2009. С. 38.

применения», в том числе ввиду понимания «тех неудобств, которыми грозит безграмотному солдатчина». От крестьян приходилось слышать: «Нынче неграмотного и в ученье не берут, и в солдатах неграмотный — пропащий человек»; «солдату <...> надо быть грамотным непременно, неграмотному солдату служить труднее». Учителя церковно-приходских школ той же губернии также сообщали, что стремление к грамотности у крестьян было вызвано желанием «воспользоваться льготою по воинской повинности и получить хорошее место» или «что мальчики, успешно кончившие курс в школе, пользуются льготою по воинской повинности»[32].

Результаты усилий социума, крестьянских обществ и частных лиц в деле повышения грамотности среди новобранцев видны из следующей таблицы[33].

Год	Всего принято	Всех грамотных (%)	Со свидетельствами учебных заведений		
			1-го и 2-го разрядов	3-го разряда	4 разряда
1874	148 909	31 789 (21,34 %)	150	867	628
1875	179 002	38 004 (21,24 %)	233	1157	732
1876	192 541	40 334 (20,95 %)	341	1200	918
1877	212 469	44 651 (21,01 %)	348	1408	945
1878	214 322	44 285 (20,67 %)	458	1364	1175
1879	215 181	45 413 (21,12 %)	600	1457	1528
1880	231 681	51 161 (22,09 %)	638	1465	1897
1881	209 965	48 416 (23,06 %)	706	1384	2375
1882	208 969	49 168 (23,53 %)	716	1382	3086
1883	215 624	52 846 (24,51 %)	735	1330	4215
1884	221 562	56 442 (25,47 %)	787	1572	5655
1885	227 906	60 582 (26,58 %)	758	1761	7400
1886	234 087	65 092 (27,80 %)	783	1914	8744
1887	236 436	69 192 (29,26 %)	944	2302	9451
1888	251 366	75 538 (30,05 %)	1135	4307	8763
1889	255 868	78 533 (30,69 %)	1229	5647	9964
1890	261 596	82 286 (31,45 %)	2124	13 670	IV разряд ликвидирован
1891	261 122	84 522 (32,36 %)	2116	14 548	–
1892	262 682	91 478 (34,82 %)	2502	16 475	–
1893	259 988	92 356 (35,52 %)	2464	16 518	–
1894	270 767	101 946 (37,65 %)	2310	19 675	–

[32] *Петров В. В.* Вопросы народного образования в Московской губернии. Вып. III. М., 1900. С. 5, 8.

[33] Таблица составлена на основании данных, опубликованных в следующих изданиях: Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 12: Всеобщая воинская повинность в империи за первое десятилетие 1874–1883 гг. СПб., 1886. С. 38, 77; Статистика Российской империи. XL. Сборник сведений по России, 1896. СПб., 1897. С. 130–131.

Таким образом, почти каждый год (исключение составили 1878, 1881 и 1882 гг.) в армию призывалось всё больше грамотных новобранцев, и через 20 лет они составляли уже более трети всех молодых солдат. По сравнению с 1874 г. их было уже на 16% больше. В процентном отношении особенно устойчивый рост отмечается с 1880 г. Многие авторы, изучавшие состояние народного образования в губерниях и уездах Российской империи в пореформенный период, отмечали эту устойчивую положительную динамику. Так, в Псковской губернии в 1881 г. «грамотеев» среди новобранцев было 17%, в 1885 г. этот процент вырос до 23,3, а в 1887 г. их уже насчитывалось 29,9%[34]. В Смоленской губернии в 1880 г. из 3647 новобранцев, поступивших на службу, грамотных было только 726 (20,3%), из них только 63 человека (1,7%) имели право на сокращенные сроки службы по образованию. В 1898 г. статистическая картина была иной: из 4065 парней, принятых на службу, грамоте было обучено уже 1694 человек (41,5%), из них 565 (13,9%) имели право на сокращенные сроки службы[35].

В последующие годы в устав о воинской повинности вносились разные дополнения в виде различных инструкций, циркуляров МВД, «мнений» Государственного Совета. Например, список учебных заведений всех четырех разрядов неизменно пополнялся и уточнялся. В 1890 г. четвертый разряд был аннулирован. К Уставу о воинской повинности издания 1897 г. прилагался список учебных заведений только двух разрядов. В первый входили высшие и средние учебные заведения, во второй — низшие. Высочайше утвержденным 10 февраля 1886 г. мнением Государственного Совета сроки действительной службы для лиц, получивших высшее и среднее образование, были увеличены до двух лет на действительной службе и шестнадцати лет в запасе[36]. Идя на такой шаг, правительство стремилось «заставить образованных молодых людей в бо́льшем числе отбывать воинскую повинность вольноопределяющимися и тем самым увеличить число прапорщиков запаса». По данным Главного штаба, к концу XIX в. около 85% молодых людей с высшим и средним образованием служили в войсках вольноопределяющимися (из них только 40% выдерживали экзамен на чин прапорщика запаса), и лишь около 15% поступало на военную службу по жребию[37].

Таким образом, всеобщая воинская повинность в немалой степени способствовала распространению в России грамотности. Реформа 1874 г. выполнила одну из главных своих задач, о которой писал военный министр

[34] *Пругавин А. С.* Указ. соч. С. 25.

[35] *Шперк Ф. Ф.* Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии. Смоленск, 1899. С. 108.

[36] Устав о воинской повинности (изд. 1897 г.) с приложением правил об учете и призыве нижних чинов запаса и о военно-конской повинности / Сост. А. Анисимов. СПб., 1899. С. 31.

[37] РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 155. Л. 6 об. — 7.

Д. А. Милютин: подняла «общий уровень образования не только в войсках, но и в народе»[38]. Льготы, данные по новому закону образованным призывникам, во многом просветлили прежде всего «темное царство» крестьянской неграмотности.

References

Miljutin D. A. Vospominanija. 1868–1873 / Pod red. L. G. Zaharovoj. M., 2006.

Miljutin D. A. Dnevnik. 1873–1875 / Pod red. L. G. Zaharovoj. M., 2008.

Nashi obshhestvennye dela // Otechestvennye zapiski. 1874. № 2. S. 292–319.

Petrov V. V. Voprosy narodnogo obrazovanija v Moskovskoj gubernii. Vyp. III. M., 1900.

Prugavin A. S. Zaprosy naroda i objazannosti intelligencii v oblasti umstvennogo razvitija i prosveshhenija. M., 1890.

Shperk F. F. Kratkij istoricheskij ocherk narodnogo obrazovanija v Smolenskoj gubernii. Smolensk, 1899.

Veselovskij B. B. Istorija zemstva za sorok let. T. I. SPb., 1909.

Voronov I. K. Materialy po narodnomu obrazovaniju v Voronezhskoj gubernii. Voronezh, 1899.

Vorotnikova N. S. Sistema nachal'nogo obrazovanija v severnoj derevne vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. (po materialam Vologodskoj gubernii) // Gosudarstvo i razvitie obrazovanija v Rossii XVIII–XX vv.: politika, instituty lichnosti: Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva, RUDN, 14–15 maja 2009 g. M.: RUDN, 2009.

Zajonchkovskij P. A. Voennye reformy 1860–1870-h godov v Rossii. M., 1952.

Zapiski knjazja Dmitrija Aleksandrovicha Obolenskogo. SPb., 2005.

Список литературы

Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. I. СПб., 1909.

Воронов И. К. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. Воронеж, 1899.

Воротникова Н. С. Система начального образования в северной деревне во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Государство и развитие образования в России XVIII–XX вв.: политика, институты личности: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 14–15 мая 2009 г. М.: РУДН, 2009.

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005.

Милютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2006.

Милютин Д. А. Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2008.

Наши общественные дела // Отечественные записки. 1874. № 2. С. 292–319.

Петров В. В. Вопросы народного образования в Московской губернии. Вып. III. М., 1900.

Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. М., 1890.

Шперк Ф. Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии. Смоленск, 1899.

[38] *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1868–1873 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2006. С. 317.